

КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

**СКИННЕР Б.Ф. ДОСТОИНСТВО.
ТРЕТЬЯ ГЛАВА ИЗ КНИГИ
«ПО ТУ СТОРОНУ СВОБОДЫ И ДОСТОИНСТВА»
(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Т.А. МАРЧЕНКО)**

Марченко Татьяна Александровна – доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ta_marchenko@mail.ru

Продолжение. Начало в № 2 2015 г.

Любое свидетельство того, что поведение человека может быть неотъемлемым свойством внешних условий, кажется, угрожает его достоинству или ценности. Мы не склонны приписывать человеку достижения, которые фактически были получены благодаря силам вне его контроля. Мы толерантны к таким доказательствам, так как принимаем без опаски свидетельства того, что человек не свободен. Никого особенно не волнует, когда важные подробности о предметах искусства и литературы, политической карьеры и научных открытиях относят к «влияниям» в жизни художника, писателя, государственного деятеля и ученого. Но так как анализ поведения дополняет дальнейшее обоснование (определяющей роли влияний. – Т.М.), достижения, за которые сам человек должен получать похвалу, кажется, приближаются к нулю, и тогда доказательство и наука, вырабатывающая это доказательство, ставятся под сомнение.

Свобода – это проблема, которая вызвана аверсивными последствиями поведения, но достоинство имеет отношение к положительному подкреплению. Когда некто ведет себя так, что мы находим его поведение достойным поощрения, мы охотно заставляем его вести себя так же снова, хваля и одобряя его. Мы аплодируем исполнителю, чтобы побудить его к новому выступлению, что демонстрируют выкрики: «Еще!», «Encore!», «Бис!». Мы подтверждаем ценность поведения человека,

хлопая его по спине и приговаривая: «Хорошо!» или «Правильно!» или одаривая его почетными знаками, такими как приз, награда, грамота. Некоторые из этих вещей по праву являются поощряющими – похлопывание по спине может быть своего рода лаской, а призы включают положительные стимулы – но другие являются кондиционированными – то есть они положительно подкрепляют только потому, что сопровождаются или обмениваются на установившиеся положительные стимулы. Похвала и одобрение в целом являются положительным подкреплением, так как тот, кто хвалит человека или одобряет то, что тот сделал, склонен поощрить его и другими способами. (Положительным подкреплением может являться уменьшение угрозы; утвердить проект резолюции часто означает просто прекратить возражать против нее).

Возможно, существует природная склонность к положительному подкреплению у людей, которые нас поощряют, как и у тех, кто нападает, есть склонность к нападению, но подобное поведение вызвано многими социальными обстоятельствами. Мы хвалим тех, кто работает нам на благо, так как нас положительно стимулирует их дальнейшая работа. Когда мы отдаем почести человеку за что-либо, мы определяем дополнительное стимулирующее последствие. Ставить человеку в заслугу выигрыш – значит подчеркнуть тот факт, что победа зависела от чего-то, что он сделал, и победа, таким образом, может стать наиболее положительным стимулом для него в будущем.

Количество похвалы, которую получает человек, любопытным образом соотносится с наблюдаемыми причинами его поведения. Мы отказываемся хвалить, когда причины являются показными. Мы, например, обычно не хвалим человека за рефлекторный ответ: за чихание, кашель или рвоту, даже если результаты этих актов несут ценность. По той же причине мы не ставим в заслугу поведение, вызванное явным аверсивным контролем, даже несмотря на его полезность. Как отмечал Монтень, «что-либо выполненное по команде вменяется в вину тому, кто требует выполнения более чем тому, кто исполняет». Мы не одобряем подхалима, даже если он выполняет важную функцию.

Также мы не восхваляем поведение, приписанное явному положительному стимулированию. Мы разделяем презрение Яго:

*...слуга покорный и подобострастный,
Зациклясь на похвальном раболепии,
Изнашивается, словно зад хозяйский,
Зазря, за корм...¹*

¹ Мы перевели данный фрагмент почти дословно, как он представлен у Скиннера: «...duteous and knee-crooking knave / That, doting on his own obsequious bondage / Wears out his time, much like his master's ass / For nought but provender...». В переводе Б. Пастернака фрагмент звучит следующим образом: «...Конечно,

Быть под чрезмерным контролем сексуального положительного подкрепления – значит быть «влюбленным», и основное значение этого слова увековечил Киплинг двумя известными строчками: «Жил-был дурак. Он молился всерьёз... /тряпкам, костям и пучку волос». Члены праздного класса вообще потеряли свой статус, когда подчинились денежному стимулированию, «уйдя в торговлю». Среди тех, кто стимулирован деньгами, похвала обычно изменяется пропорционально заметности положительного подкрепления: наименее достойно похвалы работать за еженедельную заработную плату, нежели за месячный оклад, даже несмотря на одинаковый размер оплаты. Потеря статуса может объяснить, почему большинство профессионалов медленно попадают под экономический контроль. Долгое время учителям не платили, предположительно потому, что плата унижала бы их достоинство; а ссуда под проценты веками считалась позорной и даже наказывалась, как ростовщичество. Мы не отдаем должное писателю за халтуру или художнику за картину, очевидно нарисованную на продажу. Более того, мы не доверяем тем, кто явно работает за похвалу.

Мы щедро раздаем похвалу, когда нет очевидных причин поведения. Любовь особенно похвальна, когда она неразделенная, искусство, музыка и литература – когда они недооценены. Мы даем максимальную похвалу, когда видим явные причины для необычного поведения – например, когда влюбленный подвергается плохому обращению или когда искусство, литература или музыка запрещаются. Если мы высоко оцениваем человека, который отдаёт должное любви, так это потому, что контроль, проявленный любовью, легко определяется. Всегда было обычным делом восхвалять тех, кто живет в celibate, расстаётся с добром или остается верным своему делу, несмотря на преследования, так как очевидны причины для такого иного поведения. Степень доверия пропорциональна величине противодействующих условий. Мы одобряем преданность пропорционально интенсивности преследования, благородство – пропорционально понесенным жертвам, celibate – пропорционально склонности человека практиковать сексуальное поведение. Как отмечал Ларошфуко, «похвалы за доброту достоин лишь человек, у которого хватает твердости характера на то, чтобы иной раз быть злым; в противном случае доброта чаще всего говорит лишь о бездеятельности или о недостатке воли».

есть такие простофили, / Которым полнобилась кабала и нравится ослиное усердие, / Жизнь впроголодь и старость без угла. / Плетьюми таких холопов!..». См.: Шекспир В. Отелло / пер. Б. Пастернака. Библиотека всемирной литературы. Серия 1. Литература Древнего Востока, Античного мира, Средних веков, Возрождения 17–18 вв.: в 200 т. Т. 36: Шекспир, Уильям. Трагедии. Сонеты. М., 1968. С. 250.

Взаимно-обратная связь между доверием и очевидностью причин особенно наглядна, когда поведение открыто контролируется раздражителями. Степень нашей похвалы кого-то за управление сложным оборудованием зависит от обстоятельств. Если очевидно, что этот некто просто подражает другому оператору, что кто-то «показывает ему, что и как делать», мы не очень высоко это оцениваем – в лучшем случае мы ценим способность имитировать и осуществить поведение. Если он следует устным инструкциям, если некто «говорит ему, что делать», мы немного выше оцениваем его – по крайней мере за его достаточное понимание языка, чтобы следовать инструкции. Если он следует письменным инструкциям, мы даем ему дополнительную похвалу за «знание как читать». Но мы даем похвалу за «знание как управлять оборудованием», только если он делает это без прямого управления, даже если он научился это делать посредством имитации, устных или письменных инструкций. Мы даем ему максимальную похвалу, если он обнаружил умение управлять без чьей-либо помощи, так как тогда он ничего не должен никакому инструктору; его поведение было полностью сформировано относительно незаметными, вызванными оборудованием контингенциями, которые становятся частью прошлого.

Похожие примеры обнаруживаются в вербальном поведении. Мы платим за то, чтобы нам читали, нас учили, играли в кино и пьесах, – но мы используем похвалу, чтобы стимулировать то, что говорится, а не акт говорения. Предположим, некто делает важное заявление. Мы даем ему невысокую оценку, если он просто повторяет то, что только что сказал другой оратор. Если он считывает текст, наша оценка немного повышается, в части его «знания как читать». Если он говорит по памяти, никакого текущего раздражителя не видно, мы ставим ему в заслугу то, что он знает, что говорить. Если же мы видим, что заключение оригинально, не заимствовано у вербального поведения кого-то другого, тогда мы даем наивысшую оценку. Мы хвалим расторопного ребенка больше того, которому надо напоминать о его встречах, потому что напоминание является особенно заметной чертой временных контингенций. Мы больше хвалим человека за «умственные» математические решения, чем за решения, сделанные на бумаге, потому что раздражители, контролирующие последовательные шаги, заметны на бумаге. Физик-теоретик получает больше похвалы, чем экспериментатор, так как поведение последнего четко зависит от лабораторной практики и наблюдений. Мы больше одобряем тех, кто ведет себя хорошо без надзирательства, чем тех, кто нуждается в присмотре, и тех,

кто естественно говорит грамотно, чем тех, кто вынужден обращаться к грамматическим правилам.

Мы признаем эту любопытную связь между одобрением и незаметностью контролирующих условий, когда мы прячем контроль, чтобы избежать потери похвалы или потребовать похвалу, которую в действительности не заслуживаем. Генерал старается изо всех сил сохранить достоинство, разъезжая в джипе по ухабистой земле, флейтист продолжает играть, несмотря на то что мухи облепили его лицо. Мы стараемся не чихнуть на торжественных мероприятиях, и после того как допустили досадную ошибку, мы стараемся вести себя как ни в чем не бывало. Мы подвергаемся боли без дрожи, мы манерно едим, будучи зверски голодными, мы беззаботно протягиваем руку за карточным выигрышем и мы рискуем обжечься, медленно ставя горячую тарелку на стол. (Доктор Джонсон подверг сомнению ценность такого поведения: выплюнув изо рта горячую картошку, он воскликнул к удивлению своих компаньонов: «Дурак бы проглотил!»). Другими словами, мы сопротивляемся любому условию, при котором мы ведем себя недостойно.

Мы пытаемся завоевать одобрение, маскируя или скрывая контроль. Диктор телевидения пользуется подсказчиком, который скрыт от глаз, а лектор исподтишка поглядывает в записи, и оба, таким образом, создают впечатление выступления по памяти, экспромтом, когда они на самом деле – что менее похвально – читают. Мы стараемся завоевать одобрение, изобретая менее принуждающие причины нашего поведения. Мы сохраняем лицо, приписывая наше поведение менее видимым или менее значительным причинам – ведя себя, например, так, как будто никакой угрозы нет. Следуя Св. Джерому, мы представляем необходимость добродетелью, действуя так, как нас заставляют действовать, но как если бы нас не заставляли этого делать. Мы скрываем принуждение, делая больше, чем требуется: «Если кто-то заставит вас пройти одну милю, пройдите с ним две мили!». Мы стараемся избежать недоверия за предосудительное поведение, заявляя о непреодолимых причинах; как отмечал Шарль де Лакло в «Опасных связях», «женщина должна иметь повод для того, чтобы отдаться мужчине. Лучше ли это, чем произвести впечатление уступающей силе?».

Мы умножаем похвалу, которая нужна нам, подвергая себя условиям, которые обычно вызывают недостойное поведение, воздерживаясь от такого поведения. Мы выискиваем такие условия, при которых поведение было бы положительно подкреплено, и затем отказываемся от участия в таком поведении; мы навлекаем искушение подобно свя-

тому в пустыне, который усиливает добродетели аскетичной жизни, располагая красивыми женщинами или вкусной едой поблизости. Мы продолжаем себя наказывать, как садомазохисты, хотя могли бы охотно остановиться, или подчиниться судьбе мученика, или использовать возможность убежать.

Когда мы озабочены тем, чтобы выразить одобрение другим людям, мы сводим к минимуму очевидность причин их поведения. Мы скорее прибегнем к мягкому увещанию, чем к наказанию, так как кондиционированные стимулы менее заметны, чем некондиционированные, и избегание более достойно похвалы, нежели убегание. Мы скорее дадим намек ученику, чем скажем ему ответ, за знание которого он удостоится похвалы, если намек окажется достаточно. Мы просто более склонны предлагать и советовать, нежели отдавать приказы. Мы даем разрешение тем, кто собирается вести себя недостойно подобно тому, как епископ, главенствующий за обедом, воскликнул: «Те, кто должен курить, могут курить». Мы помогаем людям сохранить лицо, принимая их объяснения своего поведения, даже если они мало правдоподобны. Мы испытываем людей на предмет заслуживания ими похвалы, давая людям причины для недостойного похвалы поведения. Пациент Чосера Гризельда доказала свою верность мужу, сопротивляясь чудовищным поводам, которые он давал ей для того, чтобы стать неверной.

Похвала, инверсная по отношению к наблюдаемым причинам поведения, может быть просто содержательным моментом рачительного хозяйствования. Мы стремимся к благоразумному использованию наших ресурсов. Нет нужды хвалить человека за то, что он и так собирался сделать в любом случае, и мы оцениваем шансы, исходя из видимых доказательств. Мы особенно склонны похвалить человека, когда не знаем, как иначе получить результаты, когда у него нет оснований вести себя по-другому. Мы не хвалим, если это не произведет никакого изменения. Мы также не растрчиваем похвалы на рефлексы, потому что их можно усилить только с большими трудностями, если вообще это возможно, через оперантное стимулирование. Мы не хвалим то, что происходит случайно. Мы также воздерживаемся от похвалы, когда это могут сделать другие; например, мы не одобряем людей, которые о своих пожертвованиях трубят во все стороны, потому что «у них своя награда». (Благоразумное использование ресурсов лучше видно на примере наказания. Мы не растрчиваем ресурс наказания, если оно не произведет никакого изменения – когда, например,

поведение было случайным или реализовано умственно отсталым или психически больным человеком).

Разумное ведение дел может также объяснить то, почему мы не одобряем людей, которые очевидно работают просто за похвалу. Поведение должно вызывать одобрение, только если оно вызвано большим, чем просто заслужить одобрение. Если те, кто работает за похвалу и иначе никак, больше не могут быть продуктивны, похвала бесполезна. Это может стать помехой для результатов других последствий; игрок, работающий за аплодисменты, который «играет на публику», реагирует менее чувствительно на непредвиденные ситуации в игре.

Кажется, что мы должны быть заинтересованы в разумном использовании, когда требуем наград или наказаний: справедливых или нет и честных или нечестных. Нас волнует, что человек «заслуживает», или, как определяет словарь, чего он «по праву стоит, или что ему по праву причитается, или чего он вправе требовать в силу совершенного действия или проявленных качеств». Слишком щедрая награда это более чем достаточно, чтобы сохранить поведение. Это особенно несправедливо, когда вообще ничего не было сделано, чтобы заслужить награду, или то, что сделано, заслуживает наказания. Слишком большое наказание также несправедливо, особенно когда ничего не было сделано, чтобы заслужить его, или когда человек вел себя хорошо.

Несоразмерные последствия могут вызвать тревогу; удача часто стимулирует праздность, а неудача часто наносит удар по усердию. (Положительные подкрепления, о которых идет речь, необязательно применяются другими людьми. Везение или неудача вызывают расстройство, когда они не заслужены).

Мы стараемся скорректировать некачественные контингенции, когда говорим, что человеку следует «ценить» своё везение. Мы имеем в виду, что ему отныне следует действовать таким образом, чтобы быть достаточно стимулированным тем, что уже было им получено. Мы можем фактически полагать, что человек может оценивать вещи, только если он поработал над ними. (Важно значение слова «оценивать»: оценить поведение человека – значит определить ему цену. «Почитать» и «уважать» – также связанные с этим термины). Мы чтим поведение в том смысле, что оцениваем уместность поощрения. Мы уважаем, просто замечая. Так, мы уважаем достойного оппонента в том смысле, что мы взволнованы его силой. Человек завоевывает уважение, приобретая заметность, но мы не уважаем тех, кто «не заслуживает нашего внимания». Мы, без сомнения, особенно замечаем ве-

щи, которые мы почитаем или оцениваем, но, делая это, мы необязательно придаем им ценность.

Есть нечто большее, чем разумное ведение дел или уместное оценивание положительных стимулов в нашей заботе о достоинстве или ценности. Мы не только прославляем, хвалим, одобряем или аплодируем человеку, мы «восхищаемся» им, и это слово близко к значению «изумляемся» или «удивляемся». Мы боимся необъяснимого, и поэтому неудивительно, что чем меньше мы понимаем поведение, тем более им восхищаемся. И, конечно, то, что мы не понимаем, мы приписываем автономному человеку. Ранний трубадур, декламирующий длинную поэму, должно быть, казался одержимым (он и сам чувствовал потребность в музе для вдохновения), как и сегодняшний актер, декламирующий заученные строки, кажется одержимым характером, который он играет. Боги говорили через оракулов и священников, которые зачитывали священные писания. Идеи появляются чудесным образом в результате неосознанных мыслительных процессов «интуитивных математиков», которые поэтому и вызывают больше восхищение, чем те математики, которые приходят к умозаключению логическим путем. Творческий талант актеров, композиторов или писателей – это своего рода гений.

Мы, казалось бы, апеллируем к чудесному, когда восхищаемся поведением, так как мы не можем никаким другим способом укрепить его. Мы можем заставить солдат рисковать своими жизнями или щедро платить им за это, и мы можем в обоих случаях не восхищаться ими, но чтобы побудить человека рисковать своей жизнью, когда он этого «не должен» и когда нет очевидных наград, ничего не остается в распоряжении, кроме восхищения. Разница между выражением восхищения и похвалой становится понятной, когда мы восхищаемся поведением, на которое восхищение не повлияет. Мы можем называть научное достижение, предмет искусства, музыкальное сочинение или книгу восхитительной, но в такое время и таким образом, что это никак не повлияет на ученого, художника, композитора или писателя, даже если бы мы похвалили их и предложили какие-то другие виды поддержки, если бы могли. Мы восхищаемся генетическими способностями – физической красотой, навыками, совершенством расы, семьи или индивидуума – но не для того, чтобы изменить их. (Восхищение может со временем изменить генетические способности путем селекционного разведения, но в очень особом масштабе времени).

То, что мы можем назвать борьбой за достоинство, имеет много общих черт с борьбой за свободу. Устранение положительного стиму-

ла аверсивно, и когда люди лишены похвалы, восхищения или возможности быть похваленными или вызвать восхищение, они реагируют соответствующим образом. Они ускользают от тех, кто лишает их похвалы или нападает на них, чтобы ослабить их влияние. Литература достоинства определяет тех, кто посягает на ценность личности, описывает практики, которые они используют, и предлагает меры, которые надо предпринять. Как и литературу свободы, ее не заботит простое убежание, вероятно, потому, что инструкция не нужна. Вместо этого литература достоинства сосредоточена на ослаблении тех, кто лишает других признания. Средства редко такие же сильные, как те, что рекомендованы литературой свободы, возможно, потому, что отсутствие признания в основном имеет не такой аверсивный характер, как боль или смерть. Они зачастую просто вербальны; мы реагируем на тех, кто лишает нас должного признания путем протеста, противостояния, или порицая их и их практики. (То, что ощущается, когда человек протестует, обычно называют негодованием, показательно определяют как «выражение негодующего раздражения», но мы протестуем не потому, что чувствуем себя обиженными. Мы одновременно и протестуем, и ощущаем себя обиженными, потому что лишены возможности быть оцененными или получить похвалу).

Большая часть литературы достоинства касается справедливости и целесообразности вознаграждения и наказания. Как свобода, так и достоинство находятся под угрозой, когда рассматривается целесообразность наказания. Экономические практики входят в литературу в определении честной цены или честной зарплаты. Первый протест ребенка «Это нечестно!» обычно вопрос величины вознаграждения или наказания. Нас здесь волнует та часть литературы достоинства, которая протестует против посягательств на ценность личности. Личность протестует (и, кстати, чувствует негодование), когда ее без надобности толкают, пихают, сталкивают, вынуждают работать не теми инструментами, провоцируют вести себя глупо, вынуждают вести себя унижительным образом, как это происходит в тюрьме или концлагере. Она протестует и отвергает дополнение любого ненужного контроля. Мы оскорбляем человека, предлагая оплату за услуги, которые он оказал из любезности, так как мы подвергаем сомнению его благородство или добрую волю с его стороны. Студент протестует, когда мы говорим ответ, который он знает, потому что мы уничтожаем похвалу, которую он мог бы получить. Предоставить верующему человеку доказательство существования Бога означает разрушить его притязания на чистую веру. Мистика отвергает ортодоксию; антиномизм занял позицию, со-

гласно которой хорошее поведение не является признаком подлинной добродетели. Гражданскую добродетель нелегко продемонстрировать в присутствии полиции. Требовать от гражданина подписать клятву верности означает разрушить некоторую верность, которую он иным образом мог показать, так как последующее преданное поведение может затем быть приписано к клятве.

Художник возражает (и отвергает), когда ему говорят, что он рисует картину, которая хорошо продается, или автор, когда ему говорят, что он пишет халтуру, или парламентарий, которому говорят, что он поддерживает ту или иную меру для завоевания голосов. Мы, вероятнее всего, будем возражать (и отвергать), когда нам скажут, что мы подражаем человеку, которым восхищаются, или просто повторяем то, что слышали от кого-то или вычитали в книге. Мы противимся (и отвергаем) любому предположению, что аверсивные последствия, несмотря на которые мы хорошо себя ведем, неважны. Таким образом, мы возражаем, чтобы нам говорили, что гора, на которую мы собираемся взобраться, не особенно трудная, что враг, которого мы собираемся атаковать, не особенно грозный, что работа, которую мы выполняем не очень-то тяжелая, или, следуя Ларошфуко, что мы ведем себя хорошо, потому что у нас недостаточно характера, чтобы вести себя плохо. П.У. Бриджмен утверждал, что ученые особенно склонны допускать и корректировать свои ошибки, потому что в науке ошибку скоро обнаружит кто-то другой, чувствовалось, что он бросал вызов добродетели ученых.

Время от времени прогресс в физической и биологической технологии, казалось, угрожал ценности и достоинству, когда этот прогресс сократил шансы завоевать похвалу или вызвать восхищение. Медицинская наука снизила необходимость страдать в тишине и шанс вызвать тем самым восхищение. Огнеупорные здания не оставляют место отважным пожарным, или безопасные корабли – отважным морякам, или безопасные самолеты – отважным пилотам. В современном коровнике нет места для Геркулеса. Когда больше уже не требуется изматывающая и опасная работа, усердные и отважные кажутся просто безрассудными.

Литература достоинства здесь конфликтует с литературой свободы, которая благоволит снижению аверсивных свойств повседневной жизни, так как это делает поведение менее напряженным, опасным или болезненным. Но забота о ценности личности иногда одерживает победу над свободой от аверсивной стимуляции – например, когда оставим в стороне осложнения медицинского характера, обезболивание

родов не так охотно принимается, как обезболивание в стоматологии. Военный эксперт Дж.Ф.С. Фуллер писал: «Высшие военные награды выдаются за отвагу, а не за ум, и введение любого нового оружия, которое умаляет доблесть индивидуума, встречает отпор». Некоторые трудосберегающие устройства встречают сопротивление на том основании, что они снижают ценность продукта. Распиловщики противились введению лесопилок и разрушали их, так как их работа была под угрозой, но также важно то, что лесопилки снизили ценность их труда, снизив ценность распиленных досок. В этом конфликте, однако, свобода побеждает достоинство. Люди вызывают восхищение, когда подвергаются опасности, тяжелому труду и боли, но почти каждый хочет воздержаться от шумных аплодисментов по этому поводу.

Технология поведения не отделяется так легко, как физическая и биологическая технология, так как эта технология угрожает слишком многим скрытым качествам. Алфавит был грандиозным открытием, который сделал возможным человеку хранить и передавать записи своего вербального поведения и узнать при малом усилии то, что узнали другие трудным способом – то есть узнать из книг, а не путем прямого, возможно, болезненного контакта с миром. Но до того как люди осознали исключительное преимущество способности узнавать опыт других людей, очевидное разрушение персональной заслуги вызывало возражение. У Платона в «Федре» Тамус, египетский царь, протестует, утверждая, что те, кто учится по книгам, имеют только видимость мудрости, а не саму мудрость. Просто прочитать то, что написали другие, менее похвально, чем сказать то же самое по скрытым причинам. Человек, который читает книгу, оказывается всезнающим, все же, согласно Тамусу, «он ничего не знает». И когда текст используется в помощь памяти, Тамус утверждал, что память из-за этого атрофируется. Читать менее достойно похвалы, чем изложить то, что узнал своими словами. И существует множество других способов, которыми, путем снижения необходимости изматывающего, болезненного и опасного труда, технология поведения уменьшает возможность получить похвалу. Логарифмическая линейка, калькулятор, компьютер – враги арифметических способностей. Но здесь снова завоевание свободы от аверсивной стимуляции может компенсировать любую потерю восхищения.

Может показаться, что нет никакого компенсирующего завоевания, когда достоинство и ценность кажутся ослабленными базовым научным анализом, не говоря уже о технологическом применении. Это в природе научного прогресса, брать на себя функции автономного человека одну за другой по мере того, как роль окружающей среды понима-

ется все лучше. Научная концепция кажется унижительной, потому что со временем не остается ничего того, чем автономный человек мог бы заслужить похвалу. А что касается восхищения в смысле изумления, поведение, которым мы восхищаемся, это поведение, которое мы не можем пока объяснить. Наука, естественно, ищет более полное объяснение такого поведения; ее цель – снять завесу тайны. Защитники достоинства будут протестовать, но, протестуя, они откладывают достижение, за которое, в традиционном выражении, человек получил бы величайшую похвалу и за которое он заслужил бы величайшее восхищение.

Мы признаём достоинство или ценность человека, когда даем ему похвалу за то, что он сделал. Величина отданной похвалы обратно пропорциональна очевидности причин его поведения. Когда мы не знаем, по какой причине человек так себя ведет, мы приписываем его поведение ему самому. Мы стараемся завоевать себе дополнительную похвалу, скрывая причины нашего поведения определенным образом, или утверждаем, что действовали под влиянием менее значительных причин. Мы избегаем посягательств на похвалу, заслуженную другими людьми, контролируя их незаметно. Мы восхищаемся людьми вплоть до того, что мы не можем объяснить того, что они делают, и слово «восхищаемся» в таком случае означает «изумляемся». То, что мы называем литературой достоинства, занимается как раз отстаиванием должной похвалы. Литература достоинства может противиться прогрессу в технологии, включая технологию поведения, так как эти технологии уничтожают возможность человека заслужить восхищение, а также базовому анализу, так как он предлагает альтернативное объяснение поведения, за которое ранее индивидуум получал похвалу. Литература, таким образом, стоит на пути дальнейших достижений человечества.